

А.В. Корчевская

студентка IV курса заочного отделения исторического факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38098-622-20-72; e-mail: aksiliss@gmail.com

Дана стаття присвячена творчості видатного трубадура, одного з найбільших поетів середньовічного Провансу – Бертрану де Борну. У статті розглядається ряд відомих сирвент Бертрана де Борна, які служили йому засобом міжфеодальної боротьби і вирізнялися соціальною загостреністю. Особливу увагу приділено відображенню в сирвентах ставлення аристократії до соціальних і станових розбіжностям тієї епохи, а також ролі сирвент Бертрана де Борна у взаєминах Річарда Левове Серце з його братом Генріхом Молодим Королем.

Ключові слова: Бертран де Борн, трубадури, сирвенти, Річард Левине Серце, Генріх «Молодий Король», Плантагенети, Генріх II, середньовічна поезія, Прованс.

Данная статья посвящена творчеству выдающегося трубадура, одного из крупнейших поэтов средневекового Прованса – Бертрану де Борну. В статье рассматривается ряд известных сирвент Бертрана де Борна, служивших ему средством межфеодальной борьбы и отличавшихся социальной заостренностью. Особое внимание уделено отображению в сирвентах отношения аристократии к социальным и сословным различиям той эпохи, а также роли сирвент Бертрана де Борна во взаимоотношениях Ричарда Львиное Сердце с его братом Генрихом Молодым Королем.

Ключевые слова: Бертран де Борн, трубадуры, сирвенты, Ричард Львиное Сердце, Генрих «Молодой Король», Плантагенеты, Генрих II, средневековая поэзия, Прованс.

This article is devoted to the works of the outstanding troubadour and one of the greatest poets of medieval Provence – Bertran de Born. The article deals with a number of famous Bertran de Born's sirvents which served as a means of feudal struggle. These sirvents were notable for their social problems and topicality; they often turned into propaganda pamphlets. A great deal of attention in Bertran de Born's sirvents is paid to the attitude the aristocracy had towards social and class distinctions. The article also focuses on sirvents' role in the mutual relations between Richard the Lionheart and his brother Henry the Young King.

Keywords: Bertran de Born, troubadours, sirvents, Richard the Lionheart, Henry the Young King, Plantagenets, Henry II, medieval poetry, Provence.

В XII веке расцвет светской поэзии, начавшийся на юге Франции, в Провансе, а затем охвативший ряд европейских стран, знаменовал наступление нового этапа в истории средневековой Европы. Поэты того времени воспевали битвы, рыцарей, прекрасных дам, им неведом был страх, а рыцарский поединок был неотъемлемой частью жизни. Благодаря этой рыцарской поэзии, прежде всего, осуществился радикальный сдвиг в языковой ситуации в Западной Европе. Если в эпоху раннего средневековья народные диалекты не были распространены, а функцию литературного языка выполняла латынь, то историко-культурная роль поэзии трубадуров заключалась, прежде всего, в том, что это была первая в Западной Европе светская поэзия на народном (окситанском) языке [1: 30-32].

Бертран де Борн – один из крупнейших поэтов средневекового Прованса. Он является и в своей жизни, и в творчестве ярким представителем идеологии феодального рыцарства. Главной темой его творчества является – война, как единственное достойное выражение рыцарской отваги. Бертран де Борн, будучи не только талантливым поэтом, но воинственным, буйным феодалом, принимал деятельное участие в междоусобных войнах, происходивших на юге Франции. Выразительность его песен, яркое самосознание поэта, его крупный поэтический талант послужили причиной создания вокруг его имени ряда легенд. В них он выступает сеятелем раздора и подстрекателем к отцеубийственной и братоубийственной войне в семье Плантагенетов. Именно за это итальянский поэт средневековья Данте Алигьери и обрек его вечно брести в адском круге, неся, как фонарь, отсеченную от тела собственную голову:

«Знай: я Бертран де Борн, тот, кто в былом
Учил дурному короля Иоанна.
Я брань воздвиг меж сыном и отцом ...
Я связь родства расторг пред целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обрубке этом» [4: 197].

Бертран де Борн был близок старому типу рыцаря, преисполненного сословных предрассудков, буйного и сурового. Он проявил себя больше в политической, чем в любовной тематике. Война как достойное выражение

рыцарской отваги и как источник обогащения для рыцарства составляла главный предмет его лирики. Он был подлинным носителем рыцарской культуры, оказавшей определяющее влияние на его творчество. Его жизнь протекала в период обострения военного и политического противостояния крупных феодалов средневековой Европы, что оказало заметное воздействие на общий тон и содержание его песен. Он воспевал войну как едва ли не единственное дело, придающее жизни подлинный смысл, возвышающее рыцарский дух, укрепляющее плоть, умножающее мудрость и военные умения, и, наконец, улучшающее благосостояние. Военные походы, закаляющие волю и характер, без которых Бертран де Борн не мыслил подлинного «служителя меча» [2]. Доблесть и честь предстают в обширном творчестве Бертрана де Борна основными рыцарскими добродетелями.

Его сирвенты достаточно часто отличались социальной заостренностью и нередко превращаются в агитационные произведения или в памфлеты. Бертран де Борн являлся лучшим и известнейшим из авторов сирвент. Его творческое наследие состоит из сорока семи произведений, дошедших до наших дней, среди них – тридцать шесть единодушно приписываемых ему песен, содержащихся в рукописных песенниках, и ещё одиннадцать песен, в отношении которых авторство Бертрана де Борна подвергается сомнению. Сирвенты служили ему одним из средств межфеодалной борьбы, поэтому носят узкий феодально-аристократический характер. Некоторые произведения де Борна насыщены описанием живописных и динамичных картин сражений, «под немолчный стук мечей...бег обезумевших коней» [9: 95], другие имеют ярко-выраженный сатирический характер «мужики, что злы и грубы, на дворянство точат зубы...» [11]. Бертран де Борн воспевал радость боя и тех благ, которые может доставить война. Он прославляет набеги и грабежи как единственно достойное рыцаря занятие, что в принципе отражало идеологию того времени. Он тоскует зимой и с нетерпением ждет весны, которая для него – пора не столько любви, сколько возобновления походов. Ему радостно смотреть на то, как рыцари, рискуя жизнью, сражаются в чистом поле, как идет осада замка, как ров заполняется отрубленными головами, руками, ногами. Блестящий баталист феодальных войн Бертран де Борн воспевал войну в интересах своей социальной прослойки, согласно его выводам, могущественные сеньоры становятся сговорчивее, когда заняты войной, чем когда пребывают в праздности [7: 269-270]. Ему нравится война, потому что во время войны принцы и короли становятся щедрыми, а главное – можно пожить за счет простого народа:

«Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинским гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним» [5].

Только благодаря войне эта категория рыцарей могла пополнить свое состояние. Но, что не менее важно, именно во время военных действий эта часть рыцарства имела особый шанс самоутвердиться. Тексты Бертрана де Борна прозрачно на это указывают:

«Я, право, не зачинщик смут,
Хоть грандов побуждаю биться,
Ведь вальвассоры смогут тут
(И шателены) отличиться.
Для Радости причины есть:
Щедрее гранды и любезней,
Коль о войне слышат весть.
И мира тем война полезней!»

Именно за этими строками культурного текста эпохи скрывается некий социальный контекст. Идеал отношений взаимопомощи и взаимоуважения, которые имели шанс дать о себе знать именно на бранном поприще, имел вполне определенную социально-психологическую почву. Именно война позволяла рыцарской молодежи и мелкому, небогатому рыцарству не только подтвердить свою воинскую удачу, но и оправдать свое социальное призвание, наконец, отстоять свое личное достоинство, доказать магнатам, что они люди «одной крови», равной смелости, отстоять свою независимость [3: 142-150].

В его произведениях ярко показаны сословные различия той эпохи. С ненавистью говорил он о горожанах и крестьянах, полагая, что в интересах господствующего сословия их следует держать в черном теле.

«Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, небогрым!..»

Ибо простолюдины, по его мнению, злы, завистливы, лживы, они не соблюдают заповедей – «пусть господь их покарает!» [11]. В то же время в произведениях Бертрана де Борна видно, как его тревожило, что феодалы перестают заботиться о славе дедовских гербов, что щедрость вытесняется жалким скопидомством, что пустым звуком становится рыцарская честь, а обнаглевшие богатеи лезут во дворянство и уже щеголяют приобретенными замками:

«Я нечего за тех не дам,
Чей меч в бездействии упрямя,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам ...» [9: 94-95].

Также одна из главных тем его творчества – это поддержка Генриха «Молодого короля» в его конфликте с отцом Генрихом II и братом Ричардом Львиное Сердце. Многие историки приписывают сирвентам Бертрана де Борна колоссальную роль в междоусобных войнах того времени. В них усматривают попытку пробудить гнев, возмущение, положить начало вражды. Отчасти это так, и мы видим подтверждение этому в его творчестве, в его упреках Генриху тем, что отныне он – принц без земель и «король никчемных»: «Король негодных – звать тебя, ты – Генрих без земли» [5: 77]. Его талант, направленный на разжигание войны, естественно, ни к чему доброму не приводил, а лишь сеял новый разлад, усугубляя несогласия. Поклонник и певец войны он постоянно раздувал угли вражды. Исследователи – медиевисты, такие, как, например, Шарль Пти-Дютайи, видели в этом «его нестерпимое удовольствие в резне и пожарах» [8: 152]. Мы можем предположить, что данная характеристика дана Бертрану де Борну на основе его сирвент, в которых он призывает других сеньоров к мятежу. Это отражено в нескольких его работах, например в сирвенте «С тех пор, как с Перигором договор» [8: 79-80]. В ней Бертран де Борн обращается к Адемару V Лиможскому и другим феодалам, которых призывал к восстанию и борьбе против Ричарда Львиное Сердце.

Ричард Львиное Сердце – его извечный друг-враг, тот, кого он награждал прозвищем «Да – и – Нет». Он не любил Ричарда за переменчивость в решениях, непостоянность, за отказ принести вассальную клятву своему старшему брату, которого он безмерно уважал, наделив мыслимыми и немислимыми добродетелями. Не хотел он также простить ему карательный поход вместе с королем Арагона Альфонсом II, когда его замок Аутафорт был взят и передан в собственность младшему брату Константину де Борну. Этот факт описан в «Жизнеописаниях трубадуров» так: «... а на подмогу королю английскому подошел и король Арагонский. Когда Бертран узнал, что король этот под стенами Аутафорта, то весьма обрадовался, ибо Араговец был другом его ближайшим. Король же Арагонский послал в замок своих людей просить Бертрана послать ему хлеба, вина и мяса, и тот послал этого провианта в изобилии, передав через тех же посланцев королю просьбу явить ему, Бертрану, милость и передвинуть стенобитные машины, ибо стена, в которую они били, совсем начала разваливаться» [5: 71]. Бертран де Борн был предан, и стены его замка пали. Гнев и желание отомстить за это предательство нашли свое отражение в его сирвенте:

«Вновь лучезарный парадиз
Весны, явив себя в цветах
И радости, запел, запах,
И я сирванте верный тон
Задам, встревожив Арагон,
Поскольку в ней
Гнуснейшего из королей
Хотел бы набросать эскиз:
Он трус, наемник, блюдолиз» [5: 75].

В этом сирвенте он жадно собирал все нелепые рассказы, распространявшиеся об Альфонсе II. При этом Бертран приводит в пример совершенно невероятный факт, рассказывая, что Альфонс предал одного из жонглеров евреям, а те сожгли его. В заключение он пускает против него последний козырь, насмешливо объявляя, что прощает ему все зло, которое тот причинил ему. Бертран де Борн был рыцарем, он отвергал страх и не боялся быть острым на язык, используя весь свой талант, все речевые обороты, чтобы показать все то презрение, которое испытывал к предавшему его человеку, которого когда-то считал своим союзником. Немного позже Генрих II Плантагенет вернул замок Бертрану де Борну в память о своем погибшем наследнике и о той любви, верности, и почитании, с которым относился к нему Бертран де Борн. В этом поступке короля большую роль сыграл знаменитый «Плач на смерть Генриха Молодого Короля», написанный Бертраном де Борном. «Плач» по праву считается одним из лучших образцов этого жанра в поэзии трубадуров. Строки «Плача» переполнены печалью, скорбью из-за гибели любимого «выбранного им самим» сюзерена. Поэт уверен, что с этих пор уж больше не будут раздаваться его песни, так как вместе с Молодым Королем он утратил рассудок и дар песнопений. У света оторван главный защитник рыцарских добродетелей. Генрих Молодой Король, по словам де Борна, слыл избраннейшим рыцарем со времен Роланда. И его смерть – это настоящая потеря, постигшая отнюдь не одного его, поэта, но всех, кто только был в соприкосновении с покойным принцем... В заключение Бертран объявляет, что со смертью Молодого Короля весь мир со всеми его обитателями не имеет более для него никакой цены. Но сохранились более ранние сирвенты, где Бертран де Борн отзывается о Генрихе намного менее лестно: «Король негодных – звать тебя, Ты – Генрих без земли» [5: 77]. Обращают на себя внимание эти крайние противоположности: один и тот же человек выступает и трусом, и Роландом, и как «король негодных» и «императором всех храбрецов» [6: 22]. Эти две крайности, этот гиперболизм – отличительная черта бертрановского стиля. Сопоставляя злостный сирвент со вторым стихотворением, посвященным памяти английского принца, нетрудно прийти к выводу, что очевидно, этим вторым стихотворением певец хотел загладить ложь первого.

Сквозной темой его поэзии являются взаимоотношения с Ричардом Львиное Сердце, они проходят сложный путь от открытого противостояния «Легко сирвенты я слагал ...» [5: 65-67] где автор призывает баронов объединиться против принца Ричарда, до военного союза вассала и сюзерена в сирвенте «Если б трактир, полный вин и ветчин ...» [5: 64-65]. Это примирение наступило в ходе борьбы против короля Франции Филиппа II Августа, общий враг объединил их, и Бертран стал верным и убежденным сторонником Ричарда, и при этом всегда старался разжечь борьбу против Филиппа, не всегда честными способами. Его выбор между двумя королями очень хорошо прослеживается в сирвенте «Я сирвентес сложить готов» [9: 98-99], в котором он осуждал слабость Филиппа, его страх перед Ричардом Львиное Сердце. Страх и слабость – это то, что де Борн больше всего презирал в вельможах, ведь они не совместимы с понятием чести рыцаря.

Бертран де Борн пел о Жизорском замке с неприступным донжоном, что служил яблоком раздора между английской и французской коронами. Он был взят 1192 году Филиппом, пока Ричард Львиное Сердце находился в плену, но сразу же был отвоеван и возвращен английской короне после возвращения короля из плена. Он даже не побоялся направить своего жонглера Папиоля с этим сирвентом ко двору Филиппа.

«В путь, Папиоль! Будь нынче скор:
Льва – Ричарда почтить не вздор!
Король Филипп ягненком стал –
Утратит все, чем обладал» [9: 98-99].

Лирические и воинственные песни Бертрана де Борна, а также сатирические и дидактические стихотворения, пользовались громадной популярностью у современников. В них мы находим живую картину общества того времени и отклик на все события конца XII века, о которых поэт знал или как очевидец, или по слуху. Также следует отметить, что все военные песни Бертрана де Борна, распространявшиеся странствующими музыкантами, оказали большое политическое воздействие в ходе англо-французских боевых столкновений XII века. Сколь ни сильна была его роль как зачинщика вечных раздоров, его творческое наследие является одним из наилучших достояний провансальской лирики. В его сирвентах отображен дух времени, тогдашние идеалы, создан образ настоящего рыцаря. Именно с поэтической стороны, через свои произведения приоткрывается нам эта необыкновенная личность. Отличительной чертой его сирвент, как правило, была социальная заостренность и даже агитационность. Бертран де Борн являлся лучшим и известнейшим из авторов сирвент, слава о поэтической деятельности и характере Бертрана де Борна распространилась далеко за пределы его родины, принеся ему признание потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Г. Средние века. История французской литературы [Текст] / Л.Г. Андреев, Н.П. Козлова, Г.К. Косиков. – М.: Высшая школа, 1987. – 546 с.
2. Бертран де Борн: Историческая Энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.olmamedia.ru/histrf/book/bertran-de-born.html>
3. Бессмертный Ю.Вновь о трубадуре Бертроне де Борне и его видении простолюдина [Текст] Ю. Бессмертный // Одиссей: человек в истории: представления о власти. – М., 1995. – С. 142 – 150.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия [Текст] / Алигьери Данте. – М.: Худ. лит., 1967. – 685 с.
5. Жизнеописания трубадуров [Текст] / Сост. М. Мейлах. – М.: Наука, 1993. – 735 с.
6. Иванов К.А. Трубадуры, труверы, миннезингеры [Текст] / К.Иванов. – СПб., 2001. – 204 с.
7. Литературная энциклопедия / Глав. ред. А.Луначарский. – М., 1985. – Т. 9. – С. 269 – 270.
8. Песни Трубадуров [Текст] / Перевод с фр. А. Найман. – М.: Наука, 1979. – 260 с.
9. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия Вагантов [Текст] / Ред. совет. Ч. Айтматов, М. Алексеев; [пер. В. Дынник]. – М.: Худ. лит., 1974. – Т. 23. – 575 с.
10. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X – XIII веков [Текст] / Шарль Пти-Дютайн, перевод с фр. С.П. Моравский. – М., 1938. – 409 с.
11. Смирнов А. Лирика трубадуров и труверов / А. Смирнов. – М., 1987. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://distedu.ru/mirror/muz/blankov.narod.ru/biblioteka/smironov-trubadury.htm>

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.В. Немченко
Стаття надійшла до редакції 26.05.2015*